

Линь Юэюэ позже пыталась вспомнить конкретные детали той репетиции, но поняла, что память похожа на разрезанную на кусочки киноленту — от нее остались лишь рваные, кадр за кадром, изображения. Однако одно она помнила отчетливо: с того самого момента, как она переступила порог репетиционного зала, она играла свою роль наотмашь, словно рискуя жизнью. В час дня с небольшим корпоративный минивэн остановился под окнами здания репетиционного зала. Линь Юэюэ сидела на заднем сиденье, ее побелевшие пальцы судорожно вцепились в ремень безопасности. Сестра Ли обернулась с пассажирского сиденья: — Нервничаешь?

Линь Юэюэ рефлекторно хотела ответить «нет», но слова застряли в горле — Су Синьхао не сказал бы «нет», он, скорее всего, бросил бы: «Чего тут нервничать?». Тогда она немного поработала над мимикой и изобразила улыбку, насколько возможно похожую на улыбку Су Синьхао: — Чего тут нервничать.

Сестра Ли фыркнула: — Ну и отлично. Сегодня придет хореограф, будем отрабатывать движения по мелочам. Ты вчера ударила головой, если совсем немогут — скажи учителю.

Линь Юэюэ кивнула, толкнула дверцу машины и подняла глаза на серо-белое здание. В стеклянной двери отразился ее силуэт: черная свободная футболка, спортивные штаны в тон, белые кроссовки, на голове надвинутая на лоб бейсболка. Пропорции тела у Су Синьхао действительно прекрасны, в чем ни приди — всё выглядит как съемка для глянца. Она глубоко вздохнула и толкнула стеклянную дверь.

Поднявшись на лифте на пятый этаж, в коридоре уже можно было расслышать музыку. Играла не вся песня целиком, а какой-то заикленный припев, причем удары барабанов шли так часто, будто ливень барабанил по железной крыше. Сердце Линь Юэюэ автоматически подстроилось под этот ритм, забившись так быстро, что ей стало трудно дышать. Дверь репетиционного зала была полупрозрачной стеклянной, сквозь нее виднелись движущиеся тени. Она остановилась у входа, сделала три глубоких вдоха и толкнула дверь.

В зале уже всю разминались. Чжан Цзи в углу тянул шпагат, и при виде ее глаза у него на миг блеснули: — О, болячка пожаловала.

Чжан Цзэюй, стоя лицом к зеркалу и отрабатывая движение руками, бросил через плечо: — Су Синьхао, это тебя вчера посреди ночи в комнате застукал Чжан Цзи, когда ты под музыку прыгал?

Цзо Хан, прислонившись к стене и попивая воду, поперхнулся от этих слов и зашелся кашлем, смеясь сквозь него: — Что за бред? Разве он не ударился головой? Прыжки под музыку посреди ночи — это какой-то новый метод реабилитации?

Линь Юэюэ с замирающим сердцем прошла внутрь, стараясь держаться как можно естественнее, дошла до места у окна и опустила сумку.

— Не спалось, решил размяться, — повторила она вчерашнюю отговорку, понизив голос чуть сильнее обычного, в надежде сойти за своего.

Чжан Цзи явно не собирался так просто ее отпускать: он поднялся из позы растяжки, подошел к ней и окинул оценивающим взглядом: — Вчера ты говорил совсем другое. Ты сказал, что нервничаешь.

Репетиционный зал на полсекунды погрузился в тишину. Чжан Цзэюй замер на месте, глядя на нее через зеркало. Цзо Хан опустил бутылку с водой и приподнял бровь. Линь Юэюэ почувствовала, как по ее спине в тот же миг прокатилась капелька холодного пота. Уставившись в пол и делая вид, что поправляет шнурки, она постаралась выдать максимально беззаботный тон: — После удара головой мозги работают со сбоями, всё подряд болтаю — не принимай всерьез.

Чжан Цзи еще что-то хотел сказать, но у входа слышались шаги — пришел хореограф.

Хореограф по фамилии Чэнь, женщина лет тридцати с небольшим, носила аккуратную короткую стрижку и говорила очень быстро. Она хлопнула в ладоши, призывая всех собраться, обвела взглядом лица присутствующих и наконец остановилась на «Су Синьхао»: — Как самочувствие? Сможешь танцевать?

Линь Юэюэ кивнула: — Могу.

Госпожа Чэнь изучала ее пару секунд, словно пытаясь в чем-то убедиться, но в конце концов отвела взгляд и постучала папкой по ладони: — Ладно, давайте сначала прогоним целиком, посмотрю на ваше состояние.

Зазвучала музыка.

Первой мыслью Линь Юэюэ было: слушать эту песню в наушниках и танцевать под нее вживую — совершенно разные вещи. Удары барабанов поднимались от пола, прошивали ее подошвы и вибрировали вверх по позвоночнику. Тело отреагировало быстрее, чем сознание: смещение позиций, разворот корпуса, угол наклона для подготовки — всё это выполнилось автоматически в тот самый миг, когда заиграла музыка. Мышечная память. Это был заложенный в плоть и кровь инстинкт, выработанный Су Синьхао за тысячи повторений; мозг даже не успевал отдавать приказы, тело само знало, куда шагать.

Первые тридцать секунд Линь Юэюэ почти верила, что справляется.

Но на тридцать первой секунде началось первое сложное перестроение. Требовалось сделать скользящий шаг вправо-назад, одновременно выполняя волну верхней частью тела в противоположную сторону, а затем на сильный бит резко развернуться. Тело Су Синьхао безупречно справилось с этим движением, но сознание Линь Юэюэ отстало на мгновение — как раз в тот момент, когда ее мозг только отдавал команду, тело уже всё завершило. Из-за этого ощущения рассогласования она на долю секунды оцепенела, и именно из-за этой паузы ее центр тяжести сместился на полтакта. Переход к следующему движению оказался смазан на доли секунды.

Для зрителей эта заминка могла остаться совершенно незаметной. Но для госпожи Чэнь, для товарищей по команде, которые танцевали с Су Синьхао уже не первый год, эта задержка резала глаз, точно чернильная клякса на белом листе. Госпожа Чэнь не стала останавливать музыку, но ее взгляд из зеркала задержался на Линь Юэюэ. Линь Юэюэ не смела поднять глаз, стиснув зубы, она продолжала танцевать.

Куплет и припев были тем отрезком, который она усерднее всего гоняла прошлой ночью. Те десяток с лишним секунд хореографии она разбила на десятки опорных точек и зубрила до боли в мышцах. На этот раз обошлось без ошибок и задержек, но по сравнению с настоящим Су Синьхао качество исполнения все еще заметно хромало. Не хватало точности в силе ударов, амплитуда растяжки была чуть меньше нужной, а те моменты, где требовался мгновенный взрыв энергии, она на подсознательном уровне немного сдерживала. Сама Линь Юэюэ тоже это чувствовала: в мыслях она все еще перебирала — «какое следующее движение?», в то время как настоящий Су Синьхао должен был довести этот отрывок до чистейшего рефлекса.

Музыка смолкла.

Все замерли в финальных позах, тяжело дыша. Госпожа Чэнь не объявила перерыв, а, вооружившись ручкой, принялась быстро строчить что-то в папке. Затем она подняла голову и перевела взгляд поверх остальных прямо на Линь Юэюэ. Этот взгляд нельзя было назвать суровым, но и мягким он не был — скорее, он напоминал точный скальпель, снимавший с Линь Юэюэ маскировку слой за слоем.

— Су Синьхао, — произнесла госпожа Чэнь. — Ты сегодня халтурил. Самочувствие подводит или что-то еще?

Сердце Линь Юэюэ подпрыгнуло к самому горлу. Она приоткрыла рот и вытащила на свет универсальное оправдание: — Вчера ударился головой, наверное, еще не до конца восстановился.

Госпожа Чэнь нахмурилась — судя по всему, такое объяснение ее не слишком удовлетворило, но допытываться дальше она не стала. Переключившись на всю группу, она принялась разбирать движения по одному. Начиная с первого восьмисчетного такта, проходя каждое движение за движением. Чей угол оказался неправильным, у кого не хватило силы, чья связка выглядела неплавной — всё указывалось открыто, перед лицом всей команды. Подобные тренировки на детализацию были для Линь Юэюэ сущим кошмаром: ей приходилось не просто выделяться на фоне остальных, пока их отчитывали, но и в случае замечаний в свой адрес отбатывать требования госпожи Чэнь телом Су Синьхао.

Госпожа Чэнь подошла к ней и протянула руку, поправляя угол наклона ее руки: — В этой волне точка приложения силы идет от талии, а не от плеча. Раньше ты никогда не совершал таких детских ошибок.

По спинному хребту Линь Юэюэ снова покатился пот. Она повторила движение в строгом соответствии с указаниями хореографа; на сей раз получилось лучше, но все же не дотягивало до прежнего уровня Су Синьхао. Госпожа Чэнь бросила на нее взгляд, полный растерянности — так смотрят на математическую задачу с неверным ответом.

— Твоя мышечная память на месте, но вот реакция как будто заторможена, — точно указала на корень проблемы госпожа Чэнь. — Сотрясение мозга влияет на нервную систему, ты уверен, что тебе не стоит отдохнуть еще пару дней?

Линь Юэюэ почти инстинктивно покачала головой: — Не надо, я успеваю за всеми.

Сказала она это тихо, но твердо — потому что знала: если она отступит, сцена Су Синьхао будет окончательно разрушена. Госпожа Чэнь помолчала немного и в конце концов кивнула: — Хорошо. Тогда повторяю еще раз: в этой волне точка приложения силы в талии, а не в плечах.

Репетиция возобновилась. Целых три часа Линь Юэюэ провела в бесконечном круговороте: ошибки, исправления, снова ошибки и новые правки. После колоссальных физических затрат силы начали иссякать: хотя у тела Су Синьхао была прекрасная база, ее собственное эмоциональное истощение оказалось слишком велико. Каждое движение требовало предельной концентрации внимания, чтобы чудом не провалиться, а от этого непрерывного напряжения скорость реакции падала все сильнее. К последнему часу она с трудом соображала, куда шагать, даже в самых простейших перемещениях.

Наконец госпожа Чэнь хлопнула в ладоши и объявила репетицию оконченной. Чуть ли не заживо рухнув от усталости, Линь Юэюэ поплелась в угол и съехала по зеркальной стене на пол.

Низко опустив голову, она жадно хватала ртом воздух. Пот катился с висков и по линии подвалика капал на воротник футболки. Тело Су Синьхао потело изрядно — стоило хорошенько подвигаться, как он выглядел так, будто его только что вытащили из воды. Но сама она заметила, что, как бы ни было потно, физического изнурения организм не ощущал. Ее тянул назад собственный разум. Мозг напоминал компьютер, перегруженный за сутки непрерывной работы: кулер гудел на пределе, грозя в любую секунду выдать синий экран смерти.

Сбоку протянулась рука и замаячила бутылка минеральной воды. Линь Юэюэ проследила глазами за этой рукой вверх — Чжу Чжисинь.

Он стоял рядом, загороженный от яркого света потолочных ламп репетиционного заведения, превратившись в изящный вытянутый силуэт. На лице парня, только что закончившего тренировку, не отражалось никаких эмоций, а блеск в его персиковых глазах наполовину скрывала тень. Линь Юэюэ приняла бутылку и выдавила «спасибо», но крышку отвинтить не смогла — на ладонях было слишком много пота. Чжу Чжисинь забрал ее бутылку, открыл сам и вернул обратно, после чего приложился к своей. Ледяная вода полилась по горлу, и она слегка ожила.

Чжу Чжисинь опустил рядом с ней. Не так непринужденно, как все, а с какой-то нарочитой паузой. Его движения выглядели естественными, но Линь Юэюэ все равно чувствовала: он наблюдает за ней. Наблюдать он начал еще во время репетиции. Несколько раз она ловила взгляд Чжу Чжисиня через зеркало — это был не привычный для него озорной или праздный взгляд, а оценивающий, полный раздумий. Совсем как сейчас. Чжу Чжисинь отвинтил крышку своей бутылки, но пить не стал. Он просто покрутил ее в руке пару раз, а затем заговорил:

— Ты сегодня... — он сделал паузу, будто подбирая слова. — Какое-то странное ощущение.

Пальцы Линь Юэюэ на бутылке с водой чуть сильнее сжались.

Началось.

Она так и знала.

Остальные могли просто решить, что у Су Синьхао неудачный день, но Чжу Чжисинь — другое дело. Они слишком давно знакомы: еще со времен стажировки были неразлучны, тренировались вместе, дебютировали бок о бок и пережили бесчисленное количество таких же репетиционных будней. Они знали друг друга до мозга костей. Настолько хорошо, что могли за секунду уловить чужое дурное настроение, и с полувзгляда прочитать по малейшему движению, что творится в чужой голове.

Линь Юэюэ понимала это лучше кого бы то ни было. Будучи фанаткой пейринга Чжу-Су, она пересмотрела все ролики с их взаимодействием, помнила каждый их взгляд, каждое сыгранное с полуслова совпадение. Раньше она визжала от восторга и таяла от этой ментальной связи. Но теперь эта самая связь превратилась для нее в главную угрозу.

— В каком смысле странное? — спросила она, стараясь придать голосу беззаботное звучание.

Чжу Чжисинь помолчал. Ответать сразу он не стал, лишь отставил бутылку в сторону, слегка повернувшись к ней корпусом, и устремил взгляд на ее профиль.

— Раньше ты никогда не нервничал перед танцами, осваивал новые движения быстрее всех. Госпожа Чэнь только что сказала, что ты перепутал точки приложения силы — когда ты в последний раз совершал такую ошибку, помнишь?

Линь Юэюэ не смела продолжать разговор, потому что понятия не имела, когда Су Синьхао допускал подобное в последний раз. Она даже не была уверена, случалось ли у него вообще такое. Во всех просмотренных ею материалах, во всех фандомных обсуждениях Су Синьхао неизменно оставался тем самым гением хореографии, который схватывал все на лету, танцевал безупречно и о чьих танцевальных навыках никому и в голову не приходило беспокоиться.

— Ударился же головой, — она снова пустила в ход это оправдание, намереваясь сделать голос еще беспечнее. — В голове до сих пор каша.

Чжу Чжисинь не спешил с ответом, продолжая внимательно изучать ее. В этом взгляде не читалось ни допроса, ни подозрительности — скорее, он походил на какую-то осторожную разведку. Будто он пытался в чем-то удостовериться или о чем-то тревожился.

— Ты и раньше бился головой, но танцевать не переставал, — наконец заговорил Чжу Чжисинь, и тон его звучал не столько обвиняюще, сколько констатирующе. — Никогда прежде такого не было. Сегодня ты напутал не только с опорными точками. На втором припеве ты опоздал на полтакта в перестроении, на третьем мосту угол поворота отклонился градусов на пятнадцать, а в финальном эдинге у тебя должна была быть сверху левая рука, но ты поднял правую.

Сердце Линь Юэюэ сжалось, словно угодив в тиски невидимой ладони. Он не упустил ни единой детали. Каждую ошибку он заметил, запомнил и теперь перечислял по порядку. А это значило, что он следил за каждым ее шагом от начала и до конца — и не в манере обычного партнера по команде, а гораздо сосредоточеннее и глубже. Он следил за ней.

— Чего это ты так за мной следишь? — Линь Юэюэ задавила рвущийся наружу страх и изо всех сил попыталась изобразить улыбку.

Она хотела разрядить опасную обстановку легкомысленным тоном, но Чжу Чжисинь даже не улыбнулся, уголки его губ остались неподвижными. Он лишь смотрел на нее, и в этом взгляде таилось нечто ускользающее от ее понимания.

— Как же за тобой не следить, — произнес он. — Ты ведь вчера упал прямо у меня на глазах.

Фраза звучала просто, но Линь Юэюэ чудился в ней какой-то подтекст. Больше испытывать судьбу она не решилась: подняв с пола сумку, она закинула туда бутылку и поднялась: — Пойдем, остальные уже ушли ужинать.

Чжу Чжисинь не стал допытываться дальше. Он тоже встал, подобрал свои вещи и зашагал следом за ней к выходу. Однако Линь Юэюэ отчетливо ощущала: его взгляд ни на секунду не переставал следовать за ней. Этот взгляд колол кожу на затылке невидимой занозой, отчего каждый шаг казался фальшивым и скованным.

Ужин проходил в ресторанчике неподалеку от офиса. Рестораном это назвать можно было с натяжкой — скорее, крошечная забегаловка, где стажеры вечно перекусывали по вечерам: обстановка простенькая, но еда домашняя, да и хозяин знал их как облупленных. Когда Линь Юэюэ в хвосте компании переступила порог, владелец радостно приветствовал их: — О, Сяо Су пожаловал! Сколько дней тебя не видели!

Она что-то невнятно угукнула в ответ и понуро проследовала вглубь помещения.

Зал был забронирован под их привычное место. Длинный прямоугольный стол, одна сторона вплотную прижата к стене. Когда все принялись рассаживаться, Линь Юэюэ на автомате потянулась к самому крайнему стулу — так она обычно садилась с друзьями в кафе, чтобы при необходимости быстро сбежать в уборную или расплатиться по счетам. Но стоило ей только оттащить стул, как Чжан Цзи удивленно зыркнул на нее: — Ты чего туда уселась? Твое место внутри.

Рука Линь Юэюэ зависла в воздухе. Разве у Су Синьхао есть закрепленное место? Лихорадочно перебирая в памяти все просмотренные ею шоу и влоги, она пыталась припомнить сцены совместных трапез — кажется, Су Синьхао действительно вечно сидел рядом с Чжан Цзи. Быстро окинув взглядом стол, она заметила, что Чжан Цзэюй с Цзо Ханом уже оккупировали места у окна, напротив них устроился Чжан Цзи, а Чжу Чжисинь занял центральное кресло, оставив соседнее свободным.

Подхватив стакан, она с невозмутимым видом приземлилась рядом с Чжан Цзи. Больше никто ничего не сказал, но Чжан Цзи проводил ее подозрительным взглядом и лишь потом отвернулся.

Официант принес меню. Пока все выбирали блюда, Линь Юэюэ наконец получила передышку. Но иллюзия рассеялась мгновенно: еда тоже грозила стать минным полем. Стоило меню переключиться к ней в руки, как по привычке заядлой фанатки она сразу перелистнула на страницы со сладким и жареным — вкусовые предпочтения типичной поклонницы: жареная курочка, чай с молоком, торты, хого — все сладкое, острое и фритюрное шло в ход без разбору. Не задумываясь, она выпалила: — Порцию жареного молока, порцию рисовых лепестков в сахарном сиропе, и еще —

На полуслове она вдруг заметила, что в кабинке воцарилась абсолютная тишина.

Подняла голову. Все пялились на нее. Палочки Цзо Хана замерли на весу, брови Чжан Цзэюя взлетели едва ли не до волос, уголки губ Чжан Цзи дернулись в попытке то ли усмехнуться, то ли сдержать смех. Чжу Чжисинь скосил на нее глаза, и выражение его лица выглядело донельзя странным — не удивление, а то самое «а я ведь говорил».

Спину Линь Юэюэ окатило ледяным потом.

Су Синьхао не ест ничего подобного. До нее дошло с пугающей ясностью. В видеоматериалах Су Синьхао неоднократно заявлял, что придерживается вегетарианства, избегает сахара и строго следит за рационом. Даже на день рождения он съедал ради приличия лишь крошечный кусочек торта. А то, что она только что заказала — жареное молоко, сладкий рис и не до конца озвученное «и еще» — всё это относилось к вещам, к которым Су Синьхао в жизни бы не прикоснулся.

— Ты же вроде вегетарианец? — озвучил общую мысль Чжан Цзи.

Мозг Линь Юэюэ закрутился с бешеной скоростью, какой не видал за всю жизнь. Нельзя долго молчать, затяжная пауза равносильна признанию вины. Но и болтать лишнего нельзя — сказанешь больше, и прорех станет только больше. Опустив глаза, она поспешно вернула страницы меню к овощным блюдам и как можно более будничным голосом бросила: — Захотелось сладенького, съем чуть-чуть попробовать, а потом отпашу в спортзале.

Цзо Хан фыркнул: — После удара головой стал таким заботливым? Столько сладкого набрал?

Линь Юэюэ выдавила улыбку: — При сотрясении мозга полезно восполнять уровень глюкозы.

Чжан Цзи скептически оглядел ее, но, судя по всему, скрепя сердце принял такое объяснение, после чего повернулся к Чжан Цзэюю обсуждать другие блюда.

Чжу Чжисинь в обсуждении не участвовал. Он тихо сидел сбоку, барабанил пальцами по столешнице. Линь Юэюэ чувствовала, как его взгляды то и дело падают на нее — легкие,

невесомые, словно перышко, скользнувшее по коже, но от каждого такого касания ее тело натягивалось тетивой. Смотреть в ответ она не смела, поэтому делала вид, что донельзя увлечена изучением меню, перечитав каждое блюдо от корки до корки.

Пока ждали заказ, парни принялись болтать о разном. Перескочили с расписания на следующий месяц к новому шоу, от шоу — к недавним акциям фанатов в интернете. Чжан Цзи, листая телефон, вдруг рассмеялся: — О, Су Синьхао, видео с вашим с ним пейрингом снова выбилось в тренды.

Линь Юэюэ еще не успела сообразить, как Чжан Цзэюй уже заглянул к нему через плечо: — Какое? Снова те, где мы с Чжу?

Цзо Хан тоже вытянул шею, и троица на мгновение сплотилась вокруг экрана, издавая многозначительные смешки. Чжан Цзи принялся зачитывать комментарии: — «Чжу-Су фореве», «Су Синьхао, у тебя взгляд на Чжу Чжисиня нечистый», «эти двое явно мутят» — вай, а вот эта мелкая фанатка прямо смелая, пишет, что вы самый настоящий пейринг в третьем поколении.

Сердце Линь Юэюэ снова заколотилось. И вовсе не из-за шуток — настоящий Су Синьхао наверняка давно привык к подобным подколам; она помнила, что в официальных видео на фанатские шипперские мемы они реагировали привычным закатыванием глаз или репликой «какая скукотища». Так что и ей следовало закатить глаза и бросить что-то вроде «да ну вас». Это была бы правильная реакция. Она прекрасно это знала.

Но прежде чем она успела отреагировать правильно, Чжан Цзи зачитал следующий: — «Чжу-Су будут вместе вечно» — Су Синьхао, фанаты питают к тебе и Чжу Чжисиню странную одержимость.

Ее рот сработал быстрее мозга. Сказалось фанатское нутро: заслышав шипперские комментарии в адрес Чжу-Су, она на подсознательном уровне захотела выдать коронную фразу их фандома. Фраза эта так долго крутилась в голове, что превратилась в безусловный рефлекс. И она выпалила:

— Точно, мы, Чжу-Су —

На слове «мы» ее голос резко оборвался. Будто кто-то нажал кнопку mute, выкачав воздух из всего мира и превратив его в вакуум.

За столом воцарилась мертвая тишина.

Улыбка застыла на лице Чжан Цзи. Чжан Цзэюй опустил палочки. Цзо Хан едва не выплеснул застрявшую во рту воду, с усилием сглотнул ее обратно, издав странный звук. Никто не произнес ни слова. Все взгляды сошлись на ней клином, словно дюжина прожекторов разом осветила ее с ног до головы, лишив возможности спрятаться.

В одно мгновение кровь в жилах Линь Юэюэ застыла.

Что она сейчас ляпнула? «Мы, Чжу-Су»? Это лексикон шипперов. Так пишут фанаты в своих ветках и обсуждениях. Су Синьхао никогда бы так не выразился. Он мог сказать «эти фанаты» или «они», но сказать «мы» — ни за что. Это проклятое «мы» оказалось ключом, приоткрывшим щель в стене тайны — пусть всего в один дзинь, но этого хватило, чтобы все заметили неладное.

Первым тишину нарушил Чжан Цзи. Отложив телефон, он подался вперед и в упор уставился на Линь Юэюэ с выражением человека, отыскавшего занятную загадку. — Мы? — переспросил он, и в голосе сквозила доля испытующего смешка. — Ты сказал «мы, Чжу-Су»?

Под скатертью Линь Юэюэ до боли впились ногтями в салфетку. Мозг лихорадочно соображал, но язык, будто приклеенный к нёбу, отказывался служить. Она понимала, что обязана что-то сказать, обязана заделать эту брешь за считанные секунды. Но что тут скажешь? Оговорка? Разве при оговорке говорят «мы»?

Чжу Чжисинь опустил чашку с чаем. Жест был легким, но в звенящей тишине приватной комнаты стук доньшка о дерево прозвучал оглушительно. Он повернул голову и посмотрел на Линь Юэюэ. В тех персиковых глазах не было ни допроса, ни насмешки — только глубокое, непонятное спокойствие. Он смотрел на нее, поджидая ответа. Ожидая, когда она сама продолжит начатое.

Затем он заговорил. Тон его оказался ровным, словно он поддерживал случайную беседу, но Линь Юэюэ нутром чуяла: вес этих слов куда тяжелее.

— И что с нами, Чжу-Су? — произнес он.

Он вернул ей это «мы» слово в слово. Не стал выручать, не стал прикрывать ее оплошность. Он просто вернул эту бомбу ей в руки и тихо замер в ожидании того, как она поступит. Сердце Линь Юэюэ бешено застучало в груди, заглушая любые другие звуки.

Но она увидела глаза Чжу Чжисиня.

В них таился странный блеск. Никаких сомнений или подозрений — нечто близкое к осознанию. Будто в эту самую секунду до него наконец дошло то, над чем он ломал голову. Это понимание напугало Линь Юэюэ еще сильнее. Неужели он догадался? Немыслимо. Нормальному человеку и в голову не придет мысль о переселении душ. Но в том, что он что-то подозревал, сомневаться не приходилось.

Глубоко вздохнув, Линь Юэюэ изо всех сил задавила панику. Уголки ее губ дернулись, изображая улыбку, которая, как она надеялась, выглядела достаточно непринужденно. Откинувшись на спинку стула, она пригубила воды из стакана и выдала тоном, исполненным наигранного пофигизма:

— Я к тому, что этот ваш пейринг действительно пользуется популярностью. Натыкался в сети, фанаты чертовски талантливые ребята.

Чжан Цзи фыркнул, откинулся обратно и снова уткнулся в смартфон. Чжан Цзэюй тоже отвел взгляд и взялся за палочки. Цзо Хан пробормотал что-то вроде «а я уж думал, ты каминг-аут собрался делать», за что схлопотал от Чжан Цзи увесистую затрещину по затылку. Атмосфера наконец разрядилась, и компания принялась наперебой обсуждать самые безумные выкрутасы шипперов. Только Чжу Чжисинь продолжал смотреть на нее.

Опустив взгляд, он отправил в рот кусочек еды и больше не задавал вопросов. Но Линь Юэюэ заметила одну деталь: когда он наклонил голову, уголки его губ неумовимо дрогнули. Это не была улыбка от веселья, скорее едва уловимый изгиб, который едва можно было заметить. Точно так же улыбается человек, который долго решал сложнейшую задачку и наконец отыскал ту самую ключевую переменную. В этой улыбке не было радости — лишь железобетонная уверенность.

Ужин наконец подошел к концу.

Когда Линь Юэюэ вышла из ресторана, она обнаружила, что её спина насквозь промокла. И дело было вовсе не в жаре — её прошиб холодный пот. Почти целый час, с самого начала и до конца, её нервы были натянуты, словно предельно тугая резинка, готовая оборваться в любой момент. Она преодолела три испытания: репетицию, испытание Чжу Чжисинем и испытание ужином. На каждом шагу её подстерегала смертельная опасность, каждый раз она была на волосок от разоблачения. Но самое трудное испытание еще не наступило.

Самое трудное ждало её по возвращении.

Вернуться в общежитие, в то пространство, где она живет вместе с остальными участниками группы Су Синьхао. Ей предстояло и дальше притворяться Су Синьхао, продолжать под его именем чистить зубы и умываться, болтать с другими и коротать долгие ночи. Она не знала, что еще произойдет, не знала, станет ли кто-нибудь снова стучать в её дверь. Но в одном она была уверена: Чжу Чжисинь что-то заподозрил. Сегодня он не стал её разоблачать, но он определенно наблюдать. Завтра он станет приглядываться еще внимательнее, послезавтра — еще пристальнее. И так до тех пор, пока он не найдет ответ или пока она полностью не провалится.

Когда она вернулась в общежитие, было уже около девяти вечера. Все разошлись по своим комнатам. Линь Юэюэ вошла в комнату Су Синьхао, закрыла дверь и, стоя в прихожей, не стала включать свет. В темноте она прислонилась спиной к дверному полотну и медленно опустилась на пол. Экран телефона на мгновение вспыхнул — пришло сообщение в WeChat от Линь Юэюэ.

Она открыла его, там была всего одна строка:

[Линь Юэюэ: Как прошла сегодняшняя репетиция?]

Никакого вопросительного знака. Это не вопрос, а скорее утверждение, замаскированное под вопрос. Линь Юэюэ уставилась на эту строчку, не зная, что ответить. Сказать «нормально»? Это ложь. Сказать «чуть не прокололась»? Что тогда подумает Су Синьхао? Её палец долго

зависал над экраном, пока она наконец не напечатала в ответ:

[Су Синьхао: Прошла. Но твоих товарищей по группе провести очень трудно.]

Собеседник на том конце молчал несколько минут. Затем всплыло новое сообщение.

[Линь Юэюэ: Ты же справился.]

[Линь Юэюэ: Это уже круто.]

Линь Юэюэ посмотрела на эти две строчки, и у неё неожиданно защемило в носу. Она не понимала, утешает её Су Синьхао или просто констатирует факт. Но как бы то ни было, первый день она выдержала.

Завтра снова репетиция. Послезавтра тоже. И на следующий день тоже. Каждый день будет испытанием, пока не настанет следующий поворотный момент в жизненном пути Су Синьхао. И всё, что ей оставалось — это изо всех сил, ценой собственной жизни отыгрывать эту роль каждый раз, когда судьба бросает ей вызов.

Линь Юэюэ погасила экран телефона. Темнота снова окутала её, в комнате стояла такая тишина, что было слышно лишь гудение кондиционера. Она закрыла глаза.

В голове стояла лишь одна картина: отдельный кабинет, Чжу Чжисинь ставит чашку чая, поворачивается к ней, и в его персиковых глазах горит спокойный свет человека, который в чем-то окончательно убедился. Он произносит: «Что случилось с нашими Чжу-Су?»

Она уткнулась лицом в колени и беззвучно выругалась.

<http://bllate.org/book/20903/2113174>